

УДК 316.42

Участие и общественное участие как социологические категории

Скалабан Ирина Анатольевна

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры социальной работы и социальной антропологии,
Новосибирский государственный технический университет,
630073, Российская Федерация, Новосибирск, пр. К. Маркса, 20;
e-mail: skalaban@ngs.ru

Аннотация

Объектом анализа в статье стали широко используемые в современной практике, но слабо изученные в теоретическом плане социологические категории: участие и общественное участие. Обращаясь к истории исследований, выделяя специфику их современных интерпретаций, свидетельствующую о кризисных проявлениях в научном осмыслении категорий, автор предлагает свое видение их сущностных особенностей и характеристик, обозначает границы и возможности категорий для анализа процессов общественного развития, общественной активности и группообразования на макро и микроуровнях. Важнейшей особенностью является тот факт, что участие как категория, содержит в себе одновременно сущностные характеристики, как социальных действий, так и социальных отношений, то есть, является процессом и результатом проявления одновременно активности и принадлежности. Это создает широкие возможности для влияния на характер группообразования, формирования идентичности и, одновременно, на характер активности и изменений. Общественное участие может быть осуществлено только в случае, если индивид или группа позиционируют свои интересы как социально значимые, общественные. Общественное участие сохраняет свои сущностные свойства только в случае осознанности и добровольности действий участвующих, в противном случае, речь может идти о квазиучастии.

Для цитирования в научных исследованиях

Скалабан И.А. Участие и общественное участие как социологические категории // Теории и проблемы политических исследований. 2016. Том 5. № 5А. С. 44-59.

Ключевые слова

Участие, общественное участие, социальное участие, гражданское участие, социальное действие, социальные отношения.

Введение

В современном обществе участие в общественной, социально значимой деятельности, будучи проявлением способности индивидов взаимодействовать с другими в широком социальном и гражданском контекстах, является важным элементом социальной жизни и признаком социального благополучия. Это обстоятельство, а также необходимость самоорганизации и конструктивного взаимодействия внутри общественных групп и сообществ, между населением и органами власти, необходимость принятия социально одобряемых управленческих решений, делает общественное участие предметом осмысления не только социологов, политиков, но и экономистов, градостроителей, проектировщиков, экологов. Однако слабая теоретическая проработанность этого понятия при широте использования, наличие очевидного крена в интерпретациях в гражданско-политический дискурс, в частности, преимущественное осмысление категории через отношения власть – общество, делают необходимым поиск иных подходов к концептуализации данного явления в социологии.

Определенный задел в этом отношении в современной социологии уже имеется. За последние несколько десятилетий с той или иной глубиной проработки общественное участие изучалось с позиций концепций эндогенного, устойчивого развития, диагностики и развития местных сообществ [Chambers, 2007]; [Gilchrist, 2004]; [Кокарев, 2007]; [Мерсиянова, 2010]; теорий мобилизации [Lombe, Ssewamala, 2007]; [Rosenstone, Hansen, 1993]; [Яницкий, 2012]; [Усачева, 2012], социального капитала П.Бурдье и Р.Патнема [Dekker, Uslander, 2001], социальных сетей [Janoski, Musick, Wilson, 1998] социального управления [Rowe, Grever, 2005], постструктурализма [Cook, Kothari, 2001], общественных и социальных движений [Штомпка, 1996]; [Яницкий, 2013], активизма [Turnhout, Van Bommel, Aarts, 2010]; [Трофимова, 2014, 2015]; [Петухов, 2014].

В практическом плане исследователи сосредоточили внимание на анализе процессов разработки и совершенствования механизмов общественного участия в принятии решений, процессах бюджетирования, публичной политики [Никовская, Якимец, 2015]; [Горный, 2006], на роли общественного участия в разработке и сопровождении проектов, особенно в области урбанистики, [Глазычев; 1995]; [Дридзе, 1994]; [Чернова, 2008]

Участие и общественное участие

Несмотря на постепенное накопление качественно разнообразных теоретико-методологических подходов, в конце 90-х – начале 00-х годов в исследовательском сообществе, особенно вовлеченном в процессы развития местных сообществ и территорий, все чаще стал возникать вопрос о содержании современного общественного участия, его существенных характеристиках. Критика шла с разных сторон. С одной стороны, исследователи ставили под вопрос перспективность, как мейнстрима, активного вовлечения населения в участие в госу-

дарственных программах, сосредоточенность НКО, как структурных механизмов участия, на сервисно-ориентированной деятельности. Это стало, по мнению А. Корнволл, «переплавкой бенефициариев и «сообществ» в потребителей услуг, формированием потребительского этоса» [Cornwall, 2002]. Другие исследователи указывали на наметившуюся технологизацию общественного участия. Фиксация определенного набора механизмов участия и их дальнейшее тиражирование превращало общественное участие в то, что М. Фуко назвал «политическими технологиями», используемыми для управления и контроля. По их мнению, сама по себе активность физических лиц, сообществ, объединений, даже их влияние и участие в обсуждении и принятии общественно значимых решений, еще не гарантирует глубоких институциональных изменений в системе управления. В реальности участие лишь позволяет укреплять доверие к решениям, сделанным агентами преобразований за пределами сообществ, и сейчас лишь требует поддержки в реализации [Cooke, Kothari, 2001].

Технологизация вовлечения и стимулирования участия, переходящая в техницизм при реализации проектов, активное продвижение методов без должной концептуализации и теоретического осмысления, бюрократизация общественной деятельности, усиливающаяся с повышением удельного веса формализованных структур в институциональной среде общественного участия, не могла не сказаться и на содержании используемых понятий: общественное участие, гражданское участие, участие в сообществах. Анализ их контекста в практико-ориентированных работах 90-х – начала 00-х, демонстрирует упрощение и формализацию общественного участия, восприятие его лишь как синоним совещательной демократии. Оно все чаще рассматривается исключительно через контекст отношений с органами власти, ассоциируется с социальным консультированием, обменом информацией, осуществляемым через механизмы создания формальных структур, различных советов, комитетов, главным образом на уровне местных сообществ, осуществляя подобное участие в управлении, как заметила Ш. Пендерис, «с большим оптимизмом и задором». Её вывод: людей обременяют участием на местном уровне. [Penderis, 2010, 6] Поэтому в работах последнего десятилетия исследователи и практики вновь вернулись к проблеме отсутствия последовательной теории участия, которая стремилась бы объяснить и теоретически обосновать роль институтов и практик участия в процессах социального развития.

В ситуации кризиса текущих подходов к пониманию конкретной категории, целесообразно бывает сделать шаг назад и вернуться к истории ее осмысления.

Для этого представляется целесообразным оттолкнуться от базовой категории – категории «участие», поскольку она во многом является уникальной. Будучи непременным компонентом любого группового действия, осуществляемого непосредственно или опосредованно, участие индивидов или групп присуще всем обществам вне зависимости от уровня их развития и социокультурного контекста. Однако его качественные характеристики, как и характеристики всех базовых социологических концептов, со временем изменяются, становясь более сложными, приобретая качественное разнообразие.

В традиционном и раннем индустриальном обществе участие было преимущественно практикой повседневности, реализуясь в пространстве общинных связей, выплескиваясь за его пространство, главным образом, в протестных формах. По мнению Г. Зиммеля, ключевой характеристикой, свидетельствующей о развитии институтов участия, является полнота участия. Участвуя, в какой либо группе или каком-либо виде деятельности, индивид, в силу плотности и интенсивности связей в общине, одновременно вовлекался и участвовал в смежных. Это лишь эпизодически содействовало рождению устойчивых практик общественного участия консенсуального характера во вне общинном пространстве. Это было возможно в тех странах, в те периоды, когда возникали условия для становления и развития институтов представительства. [Зиммель, 1994, 317-318]

Подлинный общественный характер, выражающейся в качественном разнообразии институтов и практик, участие приобрело в западных странах только в эпоху развитого индустриального общества, став значимым условием и элементом общественной жизни и общественных отношений.

Как отметили П.Бергер и Т.Лукман, реальность всегда является наброском, над которым индивиды постоянно работают, но они делают это теми средствами, которые предлагают им для этого общество [Абельс, 1998, 99]. Если через эту призму взглянуть на общественное участие, то слабое развитие его институционально устойчивых практик в публичной сфере обусловило и незначительное внимание к проблематике участия в ранних социологических теориях. Соответственно, и «общественное участие», как самостоятельная категория, в это время отсутствовало, а «участие», как социологическая категория, долгое время выполняло инструментальную, «обслуживающую» роль при интерпретации категорий «социальное взаимодействие», «кооперация», «сотрудничество», «солидарность», «социальная активность».

Направлено участие как социальное явление не изучалось и не категорировалось. Однако терминологический и содержательный контекст уже в первых работах как западных (А.Фулье, М. Вебер, Э Дюркгейм, Г. Зиммель, Ф.Теннис, де Токвиль), так и российских социологов (П.А. Кропоткин, П.А. Сорокин, В.М. Бехтерев) классического периода показывает, что участие использовалось преимущественно в контексте не частного, но общественного. Категория использовалась при анализе процессов социальных взаимодействия в условиях взаимопомощи, управления и ассоциирования, то есть тех состояний, когда действия индивидов носят добровольный и осознанный характер. Будучи механизмом возникновения или существования коллективного, механизмом присутствия индивидуального в коллективном, уже в данных работах участие предполагает определенную субъектность участвующего. Исследователи отмечали, что участие индивида влияет и может качественно менять характеристики коллективного, в котором осуществляется участие, только в случае наличия определенной свободы воли. (А. Фулье, Э. Дюркгейм, Ф. Теннис).

Как значимые субъектные характеристики участвующих признавались установки индивидов, цели, мотивы поведения и намерения, интересы, потребности, а также настро-

енность индивида на взаимопонимание, взаимовлияние, в том числе и на эмоциональном уровне, готовность принимать на себя обязательства.

Они отмечали, что характер участия не может определяться только индивидуальными характеристиками участвующего. Будучи социальным действием, направленным на другого или других – индивида, группу или структуру, он непременно зависит и от группы факторов, определяющих и усиливающих интенциональность участия. К ним исследователи относили взаимную нуждаемость, взаимоподражание, наличие общих ценностей, в том числе и общих представлений о справедливости, субъективно постигнутый смысл соглашений, определяющих общую идентичность участвующих и осознание ими единства. Кроме того, участие всегда строится на определенном согласии между индивидами о правилах, даже если между ними существует вражда или разворачивается борьба (М.Вебер, В.М. Бехтерев, П.А.Сорокин). Наконец, готовность и характер участия могут определять и объективные факторы: наличие взаимных связей и их легитимность, наличие прав и возможности их реализации, возможности доступа к ресурсам, которые оно открывает и наличие структуры, характеристик среды, обеспечивающих возможность влиять на установленный порядок.

Уже на этом этапе в работах выделились три субъекта участия, ставшие основными объектами анализа всех последующих поколений исследователей. Это активный индивид, способный понимать и транслировать общественные интересы; общность/объединение как пространство многообразных связей и субъект участия в структурах более высоко уровня; общество/государство как нормативно-правовое и институциональное пространство участия и, при определенных обстоятельствах, его субъекты. Но, пожалуй, важнейшими особенностями осмысления участия этого времени можно назвать четыре: субъектность участия; широта пространства участия, выходящая далеко за пределы политического в социальное; многоаспектность анализа; историзм, как непреходящий методологический принцип анализа.

Однако выделение категории в самостоятельную, дифференциация видов общественно-го участия, и, соответственно, внимание к участию как объекту социологического анализа, произошло при решении эмпирических практико-ориентированных задач в начале XX века. Значительный вклад во введение категорий в социологический контекст внесли американские исследователи, и особенно социологи Чикагской школы. Анализ работ исследователей первой трети XX столетия Дж. Дьюи, Б. Малиновского, Ф. Знанецкого, Р. Парка, У. Томаса, Э. Берджеса, Л. Вирта, М. Аксельрода и др. показывает, что использование исследуемого нами категориального аппарата было связано с осмыслением текущих процессов институционализации. С развитием общественных отношений, участие все чаще рассматривалось не только и не столько как ситуативная практика группообразования, но как институционально устойчивый процесс вовлечения в групповые отношения, с учетом их качества, устойчивости, возможности принятия решений, связанных с удовлетворением общих интересов, социальным реформированием и социальными изменениями.

Именно накопление разнообразных институционально устойчивых практик участия, их рефлексия способствовали выделению в отдельные предметные поля исследования таких категорий как «общественное участие», «политическое участие», «гражданское участие», «социальное участие». Порядок их выделения характеризуется определенной последовательностью связанной с развитием общественных институтов в различных сферах. Так, до начала XX века, в связи со становлением партийной системы, институтов политического представительства и электорального участия, постепенно выделяется политическое участие, в начале века, в связи с ростом урбанизации и активными процессами группообразования – социальное участие, а в середине века – гражданское участие и участие в местных сообществах.

Уже с 60-х гг. в американской социологии известная самостоятельность видов участия закрепилось в многочисленных категориях, к примеру, таких как *social, community, civic, civil, citizen, public, political participation*. Однако с расширением смыслового поля, росла и терминологическая путаница, содержательное пересечение их смыслов. В 90-х гг. это вызвало обратный эффект – сужение объекта и предметного поля категории «участие» в сфере общественных отношений, её ограничение преимущественно оппозициями: граждане – органы власти и формализованным ассоциированием. Все это стало препятствием для осмысления нараставших тенденций: сокращения активности населения в рамках традиционных институтов участия, появления новых нетрадиционных практик и пространств участия, которые одновременно могли быть определены как практики социального, гражданского, политического участия.

Отчасти произошедший процесс трансформации категории был неизбежен. Фундаментальность, высокий уровень абстрактности базовой категории «участие» при качественном разнообразии практик затруднял его операционализацию. По мере конкретизации объекта, понятие становилось менее абстрактным, но порождало многообразие предметных областей, подходов, определенную их «приватизацию» рядом теорий. Примерно те же процессы мы наблюдаем сегодня и в российской исследовательской сфере. Однако в силу не достаточного исторического времени для институциализации, специфики субъектов участия и их отношений, доминирования в постсоветский период гражданско-политического дискурса в осмыслении процессов участия, в российской исследовательской сфере структура общественного участия сегодня выглядит иначе. (См. Рис. 1)

Многообразие накопленных к настоящему времени институционально устойчивых практик участия и теоретических подходов к их анализу способствовали изменению и дифференциации его смыслов, появлению и выделению в отдельные предметные поля исследования таких междисциплинарных категорий как «общественное участие», «политическое участие», «гражданское участие», «социальное участие».

Вероятно эти обстоятельства, как и спонтанный рост в последнее десятилетие новых ранее отсутствовавших практик общественного участия, расширения их пространства, раз-

Рисунок 1

мывание границ между гражданским и социальным, способствовали усилению социально-гуманитарного дискурса участия. Он проявляется преимущественно в дискурсах социальной солидарности, помощи и взаимопомощи, тесно связан с процессами спонтанной или ассоциированной коллективной деятельности, осуществляемой в рамках повседневной жизни. Это участие в деятельности общественных, религиозных объединений, неформальной и организованной деятельности, направленной на совместное решение проблем, поддержание традиций, помощь соседям, взаимную поддержку, благотворительность, регулярно становится объектами исследования.

Вместе с тем, в публичном пространстве присутствует и дискурс общественной активности, тесно связанный и интегрирующий две традиции: западную традицию гражданского общества, активизма и советскую традицию общественной активности и общественной работы. Круг формирующих его императивов и предметное пространство шире, чем в указанных выше дискурсах. Они хорошо отражены в исследовании общественной активности и гражданского общества [Мерсиянова, Якобсон, 2007]. Это социальное доверие, солидарность, защита социальных и политических прав и свобод, толерантность, помощь и взаимопомощь, территориальное общественное самоуправление, деятельность НКО, гражданские инициативы.

Таким образом, можно констатировать: в настоящее время в исследовательской литературе накоплено значительное количество прикладных исследований по проблемам уча-

стия. Современное предметное пространство категории общественное участие широко и дифференцировано. Одни исследователи понимают его как ситуативную практику, осуществляемую в рамках определенного территориального и социокультурного пространства. [Cornwall, 2002, 51]. Другие видят институционально устойчивые традиционные легитимные механизмы участия конвенционального и не конвенционального характера, позволяющие субъектам вовлекаться во властные отношения и влиять на процесс принятия решений, или политическое представительство для поддержки существующего режима или, напротив, к нему в оппозиции.

Категория «общественное участие», как и обозначенное пространство общественно-го дискурса, в современном прочтении занимает промежуточное положение между такими видами участия как гражданское и социальное. Его смысловое пространство наиболее широко, но, при этом, более размыто и слабо структурировано. В различных работах, оно полностью или частично совпадает с ними [Холмская, 1999]; [Сунгуров, 2000] либо рассматривается как синоним гражданского участия.

Но, прежде чем попытаться обозначить его смысл как интегративной категории для всех видов участия, остановимся на вопросе: насколько необходимо и целесообразно конструирование обобщенного понятия «общественное участие»?

По этому поводу такой необходимости хотелось бы привести несколько аргументов теоретического и практического плана.

Во-первых, она определяется социальной практикой: отмеченным выше размыванием границ и смешением пространств участия, появлением новых субъектов и качественным ростом разнообразия новых практик участия в публичной сфере. В этой ситуации отсутствие понятийной структуры служит препятствием для их осмысления, оставляет за границами исследования процессы и факторы на них влияющих.

Во вторых, она обусловлена и эмпирическими исследованиями участия последних десятилетий. Их результаты в разных вариантах зафиксировали взаимное влияние разных видов участия друг на друга, качественное и количественное изменение их параметров. Исследования, где объектом анализа становились все три вида участия, позволили сделать выводы, что на страновом уровне различные виды участия носят накопительный характер, им присуща взаимная комплементарность в рамках одного вида, и способность влиять на характер экономического участия. Однако их формы самоорганизации поддерживают одна другую. В странах, где низки одни виды участия, наблюдается тенденция к снижению и других, то есть одни виды участия не компенсируются другими. [Newton, Giebler, 2008, 25-26]; [Russell, 2008]; [Савельев, 2013].

Это показывает, что сегодня в общественной и научной среде присутствует потребность в понятийном аппарате, который не просто фиксировал общественную активность в отдельных сферах, но представлял бы собой связную логическую систему категорий и признаков, обеспечивающих концептуальное единство в осмыслении явления. Важно чтобы он был бы достаточно гибок для того, чтобы появляющиеся новые практики участия не остались за его границами.

Здесь возникает проблема не только методологическая, но и социокультурная. Поиск такого родового понятия – проблема актуальная более для российской традиции исследования участия, чем западной, где содержание термина «участие» в одном из своих вариантов уже имманентно содержит общественные характеристики. Необходимость разработки единой общественно-политической модели участия западными исследователями также отмечается. [Newton, Giebler, 2008, 11]; [van Deth, 1997, 76]

В российской традиции имеет более широкую коннотацию: вовлеченность «в какую-либо» деятельность. В таком виде данное понятие объединяющей категорий социального, гражданского, политического участия быть не может в силу высокой абстрактности и аморфности. Это требует поиска более частного термина. Им, к примеру, могла бы выступать категория «общественное участие», как наиболее широко интерпретируемая, тем более что сегодня у нее фактически нет своего самостоятельного предметного поля, которое не включало бы социальное и гражданское участие.

Дополнительный аргумент для этого – собственно содержание категории «общественное», как имеющее наиболее широкие социально-пространственные границы. Показательно определение, данное Х. Арндт: «термин «общественный» (public) обозначает мир как таковой, в той мере, в какой он является общим для всех нас, и отличен от нашего частного занимаемого в нем места". [Александр, 2009]

Идеи для уточнения социологического подхода к понятию «участие» можно обнаружить в рассуждениях П. Штомпки. Он определял индивида, через категории действий и отношений, как участника социальных действий и отношений. Он писал: «для социологии человеческая природа ограничивается способностями деятеля, партнера, участника, члена коллектива, облеченного обязанностями, или исполнителя». [Штомпка, 1996, 211] Даже факт обращения к категории «участие», он считал признаком социологического, а не, к примеру, психологического подхода к анализу индивида.

Отталкиваясь от выше изложенного, «участие» и «общественное участие» в качестве рабочих определений могут быть сформулированы следующим образом:

Участие – процесс или результат непосредственного или опосредованного вовлечения субъекта в совместную деятельность или включения в группу, для достижения значимого результата.

Общественное участие – это ситуативные, институциональные практики, процесс вовлечения и осуществления целенаправленных или реактивных действий по совместному достижению общественно значимого результата, путем непосредственного или опосредованного объединения индивидов в группы, сообщества различной степени устойчивости и формализации.

Попробуем пояснить смысл этих определений. Начнем со значимых характеристик общественного участия, к которым отнесем три.

Первая: участие как категория обладает двумя социально значимыми и тесно связанными свойствами: принадлежности (причастности, идентичности) и интенционального

социального действия. В конкретных практиках актуальность этих двух составляющих может иметь разную значимость, к примеру, больше отражать статусную или ценностную идентичность с группой, или больше обеспечивать возможность для действий, активности. В обоих случаях важным характеристикой участия станет совместность, как проявление принадлежности, так и коллективно ориентированного действия. Тенденция ставить знак равенства между участием и активностью или определять участие через активность, не совсем перспективна для понимания сущности участия.

Вторая: участие как состояние, обращенное в будущее, имманентно содержит в себе характеристики изменений. В процессе участия, может происходить трансформация ряда элементов: субъектов, проблем, характера взаимодействия и границ его пространства, количественных и качественных параметров социальных связей и т.д. Причем в зависимости от глубины вовлечения в процессы участия, изменения могут касаться как внешних, так и внутренних параметров личности: статуса, членства, избираемых стратегий, характера идентичности, целей, интересов, ценностей и т.д.

Третья: на уровне индивида и группы участие конечно. Будучи «источником собственных преобразований и трансформаций их отношений с другими социальными единицами» [Штомпка, 1996, 246], оно ограничено временем участия. На институциональном уровне участие присутствует перманентно, как непреходящий элемент, механизм и характеристика общественных отношений.

Обозначив столь широкое смысловое пространство общественного участия, представляется целесообразным обозначить его качественные характеристики. Перспективным здесь видится использование ряда парных переменных – своеобразных социально-пространственных осей, которые могут помочь уточнить их (см. таблицу 1.)

Таблица 1. Основные пары переменных, определяющих пространства общественного участия

Основания	Пары переменных
По виду субъекта	Индивидуальное – коллективное
По степени самостоятельности субъекта в процессе участия	Автономное – мобилизационное (в крайних формах: квазиучастие, субучастие)
По степени активности субъекта	Пассивное (принадлежность) – активное (сотрудничество)
По степени упорядоченности и организованности практик	Спонтанное, ситуативное, неформализованное – институционализированное, формализованное

Заключение

Подводя итог сказанному, считаем необходимым заметить, что в развитых обществах общественное участие способствует построению связей, социального капитала, общих норм, формируя доверие и чувство идентичности. Проявляясь в конкретных местоположенных практиках, под влиянием социального контекста, общественное участие может приобретать

многообразные формы и стратегии. Однако в определенных ситуациях оно может способствовать социальному исключению и расколу, а стремление к объединению продвижению и социально радикальных целей. Общественное участие не только механизм социального конструирования, инструмент трансляции ценностей, создания социальных норм, институционализации. Оно само наполнено пространством субъективных значений, что может превращать его в ценность или цель («право на участие»). Именно ценностные основания участия наряду с расширением пространств, лежат сегодня в основе реинтерпретации практик участия, диффузии дискурсов, находят отражение в программах современных социальных и политических движений.

Библиография

1. Абельс Х. Романтика, феноменологическая социология и качественное социологическое исследование // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т.1. № 1. С.98-124.
2. Александер Дж. Власть, политика и гражданская сфера // Социс. 2009. № 10. С. 3-17.
3. Глазычев В.Л. Городская среда. Технология развития: настольная книга. М.: Лада, 1995. 241 с.
4. Горный М.Б. Общественное участие некоммерческих организаций // Публичная политика. СПб: Норма, 2006. С. 10-30.
5. Дридзе Т.М. От социальной диагностики к конструктивному диалогу заинтересованных сторон при выработке стратегий планирования развития города (прогнозное проектирование и социальное участие). М.: Институт социологии РАН, 1995. С. 5-21.
6. Зиммель Г. Проблема социологии // Тексты по истории социологии XIX-XX вв. М.: Наука, 1994. 383 с.
7. Кокарев И.Е. Местные сообщества и местное самоуправление: технологии участия. М., МОНФ, 2007. 208 с.
8. Мерсиянова И.В. Территориальное общественное самоуправление как форма общественного участия // Вопросы государственного и муниципального управления. 2010. № 3. С. 149-168.
9. Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И. Общественная активность населения и восприятие гражданами условий развития гражданского общества. М., 2007. 220 с.
10. Никовская Л.И., Якимец В.Н. О состоятельности институтов публичной политики // Власть. 2015. № 6. С. 16-22.
11. Петухов Р.В. Локальные сообщества и гражданский активизм // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2014. № 4 (122). С. 60-71.
12. Савельев Ю.Б. Основные типы участия в общественной жизни европейских стран // Социс. 2013. № 12. С. 64-71.

13. Сунгуров А. Общественное участие как условие формирования гражданского общества. URL: <http://www.prof.msu.ru/publ/conf/index.html>
14. Трофимова И.Н. Гражданский активизм в современном российском обществе: особенности локализации // Социологические исследования. 2015. № 4. С.72-77.
15. Трофимова И.Н. Факторы и ограничения гражданского участия в современном российском обществе // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭКС. 2014. Т.10. №1. С. 233-243.
16. Усачева О.А. Сети гражданской мобилизации // Общественные науки и современность. 2012. № 6. С. 35-42.
17. Холмская М.Р. Политическое участие как объект исследования. Обзор отечественной литературы // Полис. 1999. № 5. С. 170-176.
18. Чернова Е. Участие граждан в территориальном планировании и проектировании: от идеологии к технологии // Строительство и транспорт. 2008. № 14. С.42-47.
19. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996.
20. Яницкий О.Н. Социальные движения: теория, практика, перспектива. М.: Новый хронограф, 2013.
21. Яницкий О.Н. Массовая мобилизация: проблемы теории // Социологические исследования. 2012. № 6. С.3-12.
22. Chambers R. Who Counts? The Quiet Revolution of Participation and Numbers. IDS working paper 296. December 2007. 45 p.
23. Cooke B., Kothari U. (eds.) Participation: the new tyranny? London: Zed Books. 2001. 207 p.
24. Cornwall A. Participation in Development: Tracks and Traces // Current issues in international rural development published by the Swedish university of agricultural sciences, August 2002. Pp. 4-9.
25. Dekker P., Uslaner E.M. (eds.) Social Capital and Participation in Everyday Life. New York: Routledge, 2001.
26. van Deth J. (ed.). Private Groups and Public Life. Social Participation, Voluntary Associations, and Political Involvement in Representative Democracies. London: Routledge, 1997.
27. Gilchrist A. The well connected community: a networking approach to community development. Bristol: Policy Press. 2004. 248 p.
28. Janoski T., Musick M., Wilson J. Being Volunteered? The Impact of Social Participation and Pro-Social Attitudes on Volunteering // Sociological Forum. Vol. 13. No. 3. Pp. 495-519.
29. Lombe M., Ssewamala F. The Role of Informal Social Networks in Micro-Savings Mobilization // Journal of Sociology & Social Welfare. 2007. Volume XXXIV. № 3. Pp.37-51.
30. Newton K., Giebler H. Patterns of Participation: Political and Social Participation in 22 Nations. Discussion Paper SP IV 2008-201.
31. Penderis S. Theorizing participation: from tyranny to emancipation // Journal of African and Asian Local Government Studies. 2012. Vol. 1(3). Pp. 1-28.

32. Putnam R.D. *Bowling alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster, 2000. 541 p.
33. Russell D.J. *Citizenship Norms and the Expansion of Political Participation // Political studies*. 2008. Vol. 56. Pp. 76-98.
34. Rosenstone S., Hansen J. *Mobilization, participation and democracy in America*. New York, 1993.
35. Rowe G., Frewer L.J. *A Typology of Public Engagement Mechanisms // Science, Technology, & Human Values*. 2005. Vol. 30. № 2. Pp. 251-290.
36. Turnhout E., Van Bommel S., Aarts N. *How Participation Creates Citizens: Participatory Governance as Performative Practice // Ecology and Society*. 2010. Vol.15. № 4. URL: <http://www.ecologyandsociety.org/vol15/iss4/art26/>

Participation and public participation as sociological categories

Irina A. Skalaban

PhD in History,
Associate Professor at the Department of social care and social anthropology,
Novosibirsk State Technical University,
630073, 20, Karla Marksa ave., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: skalaban@ngs.ru

Abstract

In this scientific research the author has taken as an object of analysis two widely used in modern practice, but barely studied in theory sociological categories, which are such concepts as participation and public participation. Drawing on history of their research and marking out specifics of their modern interpretation that suggests an existence of some crisis in scientific understanding of them, the author here presents her own vision of essential features and characteristics of the concepts, marks their borders and possibilities for analysis of public development process, public activity and group-formation on both macro and micro levels. The most important specific according to the author's opinion is the fact that participation as a sociological category contains essential characteristics of both social actions and social relations, therefore being the process and the result of both acting and belonging at the same time. However, even being capable of group formation, identity formation and change, public participation can only be enacted in case if individual or group positioning of their interests as public ones. Public participation only preserves its essential qualities in case of consciousness and willingness of participants' actions, otherwise the subject at hand can only be considered as some quasi participation.

For citation

Skalaban I.A. (2016) Uchastie i obshchestvennoe uchastie kak sotsiologicheskie kategorii [Participation and public participation as sociological categories]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 5 (5A), pp. 44-59.

Keywords

Participation, public participation, social participation, civic participation, social action, social relations.

References

1. Abel's Kh. (1998) Romantika, fenomenologicheskaya sotsiologiya i kachestvennoe sotsiologicheskoe issledovanie [Romantics, phenomenological sociology and qualitative social research]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal on sociology and social anthropology], 1, 1, pp. 98-124.
2. Aleksander G. (2009) Vlast', politika i grazhdanskaya sfera [Authority, politics and the civil sphere]. *Socis*, 10, pp. 3-17.
3. Chernova E. (2008) Uchastie grazhdan v territorial'nom planirovanii i proektirovanii: ot ideologii k tekhnologii [Participation of citizens in the territorial planning and design: from ideology to technology]. *Stroitel'stvo i transport* [Construction and transport], 14, pp. 42-47.
4. Cooke B., Kothari U. (eds.) (2001) *Participation: the new tyranny?* London: Zed Books.
5. Cornwall A. (2002) Participation in Development: Tracks and Traces. *Current issues in international rural development published by the Swedish university of agricultural sciences*, pp. 4-9.
6. Dekker P., Uslander E.M. (eds.) (2001) *Social Capital and Participation in Everyday Life*. New York: Routledge.
7. van Deth J. (ed.) (1997) *Private Groups and Public Life. Social Participation, Voluntary Associations, and Political Involvement in Representative Democracies*. London: Routledge.
8. Dridze T.M. (1995) *Ot sotsial'noi diagnostiki k konstruktivnomu dialogu zainteresovannykh storon pri vyrabotke strategii planirovaniya razvitiya goroda (prognoznnoe proektirovanie i sotsial'noe uchastie)* [From a social diagnosis to a constructive dialogue of stakeholders in the formulation of city development planning strategies (predictive design and social participation)]. Moscow: RSA Publ.
9. Gilchrist A. (2004) *The well-connected community: a networking approach to community development*. Bristol: Policy Press.
10. Glazychev V.L. (1995) *Gorodskaya sreda. Tekhnologiya razvitiya: nastol'naya kniga* [Urban Environment. Development Technology: Handbook]. Moscow: Lad'ya Publ.

11. Gornyi M.B. (2006) Obshchestvennoe uchastie nekommercheskikh organizatsii [Public participation of non-profit organizations]. In: *Publichnaya politika* [Public policy]. St. Petersburg: Norma Publ.
12. Janoski T., Musick M., Wilson J. (1998) Being Volunteered? The Impact of Social Participation and Pro-Social Attitudes on Volunteering. In: *Sociological Forum*, 13, 3, pp. 495-519.
13. Kholmskaya M.R. (1999) Politicheskoe uchastie kak ob"ekt issledovaniya. Obzor otechestvennoi literatury [Political participation as a research object. Overview of Russian literature]. *Polis*, 5, pp. 170-176.
14. Kokarev I.E. (2007) *Mestnye soobshchestva i mestnoe samoupravlenie: tekhnologii uchastiya* [Local communities and local government: the participation technologies]. Moscow.
15. Lombe M., Ssewamala F. (2007) The Role of Informal Social Networks in Micro-Savings Mobilization. *Journal of Sociology & Social Welfare*, XXXIV, 3, pp. 37-51.
16. Mersiyanova I.V. (2010) Territorial'noe obshchestvennoe samoupravlenie kak forma obshchestvennogo uchastiya [Territorial public self-government as a form of public participation]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Problems of state and local government], 3, pp. 149-168.
17. Mersiyanova I.V., Yakobson L.I. (2007) *Obshchestvennaya aktivnost' naseleniya i vospriyatie grazhdanami uslovii razvitiya grazhdanskogo obshchestva* [Social activity of the population and the perception of civil society development conditions by citizens]. Moscow.
18. Newton K., Giebler H. (2008) *Patterns of Participation: Political and Social Participation in 22 Nations*. Discussion Paper SP IV 2008-201.
19. Nikovskaya L.I., Yakimets V.N. (2015) O sostoyatel'nosti institutov publichnoi politiki [On the consistency of institution of public policies]. *Vlast'* [Authority], 6, pp. 16-22.
20. Penderis S. (2012) Theorizing participation: from tyranny to emancipation. *Journal of African and Asian Local Government Studies*, 1(3), pp. 1-28.
21. Petukhov R.V. (2014) Lokal'nye soobshchestva i grazhdanskii aktivizm [Local communities and civil activism]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya. Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of public opinion. Economic and social changes.], 4 (122), pp. 60-71.
22. Putnam R.D. (2000) *Bowling alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster.
23. Rosenstone S., Hansen J. (1993) *Mobilization, participation and democracy in America*. New York.
24. Rowe G., Frewer L. J.A (2005) Typology of Public Engagement Mechanisms *Science, Technology, & Human Values*, 30, 2, pp. 251-290.
25. Russell D.J. (2008) Citizenship Norms and the Expansion of Political Participation. *Political studies*, 56, pp. 76-98.
26. Savel'ev Yu.B. (2013) Osnovnye tipy uchastiya v obshchestvennoi zhizni evropeiskikh stran [The main types of participation in public life of European countries]. *Socis*, 12, pp. 64-71.

27. Shambers R. (2007) *Who Counts? The Quiet Revolution of Participation and Numbers*. IDS working paper 296. December 2007.
28. Sungurov A. *Obshchestvennoe uchastie kak uslovie formirovaniya grazhdanskogo obshchestva* [Public participation as a condition of formation of civil society]. Available at: <http://www.prof.msu.ru/publ/conf/index.html> [Accessed 20/08/2016]
29. Sztompka P. *Sotsiologiya sotsial'nykh izmenenii* [Sociology of social change]. Moscow: Aspekt Press Publ.
30. Trofimova I.N. (2015) Grazhdanskii aktivizm v sovremennom rossiiskom obshchestve: osobennosti lokalizatsii [Civic activism in contemporary Russian society: features of localization]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Social research], 4, pp. 72-77.
31. Trofimova I.N. (2014) Faktory i ogranicheniya grazhdanskogo uchastiya v sovremennom rossiiskom obshchestve [Factors and constraints of civic participation in the modern Russian society]. *Politicheskaya ekspertiza. POLITEKS* [Political expertise], 10, 1, pp. 233-243.
32. Turnhout E., Van Bommel S., Aarts N. (2010) How Participation Creates Citizens: Participatory Governance as Performative Practice. *Ecology and Society*, 15, 4. Available at: <http://www.ecologyandsociety.org/vol15/iss4/art26/> [Accessed 20/08/2016]
33. Usacheva O.A. (2012) Seti grazhdanskoi mobilizatsii [Networks of civil mobilization]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Modern civil sciences], 6, pp. 35-42.
34. Yanitskii O.N. (2013) *Sotsial'nye dvizheniya: teoriya, praktika, perspektiva* [Social movements: theory, practice, prospects]. Moscow: Novyi khronograf Publ.
35. Yanitskii O.N. (2012) Massovaya mobilizatsiya: problemy teorii [Theory of mass mobilization] *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 6, pp.3-12.
36. Zimmel' G. (1994) Problema sotsiologii [Problem of sociology]. In: *Teksty po istorii sotsiologii XIX-XX vv.* [Texts on history of 19-20th centuries]. Moscow: Nauka Publ.